

Глобальное Рождество

В блистательном лобби пекинского отеля The Raffles не протолкнуться от наступающих рождественских праздников. Сладчайшие пряничные домики, стеклянные, со стразами, елочные шары, километровые гирлянды с многоцветной иллюминацией, плюшевые медведи, ванильные свечи. А такой гигантской елки, как в ста метрах от Тяньаньмэня, нет ни в ЦУМе, ни в ГУМе, ни в ТЦ «Весна». Такой елки, как в Пекине, нет даже в пределах нашей Красной площади. Богатеющий Китай уже несколько лет подряд широко празднует католическое Рождество: главная улица центра столицы, бульвар Чаньаньцзе (Проспект вечного мира), с середины ноября заставлена мощными, бескомпромиссными Санта-Клаусами.

Десятиметрового роста, надувные или же из пластмассы. Синие, красные, белые, с зелеными носами. Китайские Санта-Клаусы, как национальные сказочные герои Дракон и Феникс стоят на тротуарах, раскинув в приветственном отчаянии пухлые руки. В руках у них плакаты «Merry Christmas!». При этом в Пекине, и это стоит подчеркнуть, трудно найти прохожего, который знает по-английски хотя бы слово «привет». «Merry Christmas» для китайца — это нечитаемый западный иероглиф, означающий старт праздника. Всекитайского Дня торговли, что ли.

В современном Китае Рождество имеет очевидный положительный коммерческий оттенок: лишний праздник дает возможность лишний раз потратить деньги тем, у кого они есть. 24 декабря открывается традиционный сезон распродаж — лишних ртов в дорогих магазинах Пекина не ждут.

Зато в Нью-Дели по-английски хорошо понимают круглый год. Дипломатический район огромного города: пустые колониальные виллы, построенные еще британцами в 1920-х годах, щедро украшены красными и синими бумажными фонариками. Плюс и опасная новогодняя иллюминация: ворохи электрических лампочек, сделанных, положим, где-нибудь в китайском миллионнике Урумчи, нанизаны на колючую проволоку, охраняющую высокие дипломатические заборы.

В Нью-Дели, надо признаться, не принято устраивать никаких массовых рождественских распродаж. Здесь, в одной из беднейших стран планеты, немного сложно как с продавцами, так и с покупателями. Коммерческая рождественская составляющая заключается в милостыне: в пределах Красного форта Дели, памятника эпохи Моголов, индийские нищие (часто — прокаженные, редко — люди-собаки) уже с начала декабря просят подать «на светлый праздник Рождества». Путешественники (по большей части британцы) всегда кидают трогательную рождественскую рупию.

В небольшом новозеландском Окленде английский язык — родной, а вот на англосаксонских Санта-Клаусах городского типа здесь традиционно экономят. Один надувной Санта-Клаус есть в порту, где в 2003 году проходили соревнования America's Cup. Другой рождественский дедушка — рядом со знаменитой телевизионной башней. Любая торговля в Окленде, включая и торговлю винно-водочную, круглый год идет весьма вяло. Экологически чистые аскеты, рослые новозеландцы совсем не маста-

Наше христианское Рождество носит глобальный и светский характер ФОТО ГАЛИНЫ АЗУЛАЙ

ки по части покупок и даже на рождественские скидки они реагируют вяло. Да и много ли надо новозеландскому человеку для счастья? Личный вертолет, бутылка красного вина да верная овца, с нее хоть шерсти клок.

На жарких экваториальных Мальдивах с елками всегда была определенная беда. Положение не изменилось даже тогда, когда на эти демократические острова в массовом порядке полетели очень состоятельные русские люди. С каждым Новым годом состоятельных русских людей на сказочных атоллах оказывалось все больше, особенно в период январских рождественских каникул. За крупные деньги и под утро они, бывало, просили и елок, и Снегурочек. Еще в конце 1990-х годов низкорослые аборигены были совершенно бессильны помочь нашим соотечественникам. Но сегодня на ролях сибирских елок подвизаются застенчивые некогда кокосовые пальмы, а русских Снегурочек на Мальдивы уже привычно привозят с собой.

Мегаполис по имени Токио отмечает католическое Рождество с таким серьезным историческим видом, будто этот

праздник на островах ввели еще воины-сегуны. Знаменитые на весь мир японские рождественские бранчи — роллы, сашими, мисо. Рождественские напитки — превосходный японский виски и французское шампанское, которое стоит дешевле, чем в Париже. Коммерческий секрет дешевизны прост: японцы пьют дорогого шампанского больше, чем французы.

В главном кафедральном соборе темного, будто экваториальная ночь, Сантьяго Рождественская служба тянется торжественно медленно. Здешним прихожанам, людям очень гордым и очень бедным, из кафедрального собора совсем некуда спешить. Латинская Америка еще стоит пламенной верой во Христа и особого сорта пламенным социализмом, поэтому, наверное, в городах Чили, Боливии, Перу, Колумбии, Венесуэлы почти не устраивают праздничных коммерческих камланий.

Единственное латиноамериканское исключение — это Буэнос-Айрес, «латиноамериканский Париж», где есть и Опера («Ле Колон», на сцене которой видели Анну Павлову), и кабаре с танго,

и аристократический ипподром. Под Рождество на ипподроме Буэнос-Айреса всегда устраиваются особенные светские приношения. Рождественский, по пышности почти рыцарский турнир по поло в Буэнос-Айресе: сто лет еще пройдет, прежде чем нечто подобное состоится в Барвихе.

В Стокгольме, еще не отошедшем от пышных празднований премий Альфреда Нобеля, Рождество отмечают скромно, но целенаправленно и достойно: зимой в столичном шведском городе обычно разворачивается борьба с мехами. Вернее, с туристами, которые осмеливаются ходить по заснеженным улицам в шубах. «Вегетарианская» активность по силе не уступает рождественской потребительской охоте: экономные шведы не хуже, чем англичане с американцами, способны скрестить шпаги у кассы — за рождественский фарфор.

Наше христианское Рождество носит глобальный и светский характер: в сущности, это лишь напоминание о том, что современный мир держится на очень немногих вещах. Календарь — одна из них.

ЕКАТЕРИНА ИСТОМИНА